

Зверства киевского режима по отношению к пленным российским военнослужащим

Москва, 2025 г.

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов (председатель – член Общественной палаты РФ М.С. Григорьев) создан первого марта 2022 года в ходе международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в него вошли представители гражданского общества 33 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль, Сербия и др.). Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в правоохранительные органы и представление информации о них на российских и международных площадках.

В феврале 2025 года Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов проведен опрос тридцати трех российских военнослужащих, подвергавшихся пыткам на Украине.

Освобожденные пленные рассказывают о преступлениях и зверских пытках, которым их подвергали украинские военнослужащие, сотрудники Службы безопасности Украины, а также их пособники: отрубания и просверливание их конечностей и стрельба в органы тела, ущемления половых органов, пытки электротоком, прижигания раскаленными металлическими предметами, травля собаками, разнообразные удушения и использование американской пытки с помощью утопления, многодневные избиения с помощью металлических труб и тросов, палок, молотков, бит и других предметов, а также изощренные издевательства, которым они подвергались. Многие российские военнослужащие также были расстреляны или умирали в результате пыток.

Показания свидетелей доказывают, что убийства российских военнопленных являются постоянной практикой киевского режима. Д.С Рычин свидетельствует: «Нас с Алексеем Сопрыкиным взяли в плен возле населенного пункта Песчаное. У меня было пулевое ранение, а у Алексея были множественные осколочные ранения. Алексея безоружного расстрелял украинский боец». Российских военнослужащих расстреляли на глазах С.В. Таркова: «Двум пацанам ещё можно было бы помочь. Я ещё успел одному ногу помочь перемотать. Украинцы прошли, расстреляли, контрольные сделали. Раненых на моих глазах добивали». Д.Н. Агашин рассказывает: «Где-то километр-полтора нас хохлы провели. Одного обнулили они, естественно. Одного человека расстреляли. Пытки начались на следующий день». С.А. Левин рассказывает, что до того, как их начали пытать, один из военнопленных был убит: «Я говорю, там раненый боец. И только услышал, как его хохлы застрелили. Обнулили его. Нас вдвоем когда передали «Правому сектору», привезли на какую-то базу. Раздевайтесь, кричат, раздевайтесь. Начали избивать палками, трубами, глаза завязаны». С.В. Прилуцкий рассказывает, что, аналогично немецко-фашистским войскам во время Великой Отечественной войны, украинские военнослужащие расстреливали раненых: «Когда меня брали в плен, хохлы расстреляли тяжелого раненого. Обнулили. Моего сослуживца. И по пути они еще одного обнулили. Он лег и говорит, не могу идти. А его взяли и застрелили». С.М. Беляев рассказывает: «Одного пленного хохлы добились. Обнулили. Меня цепью били. Прямо вот до сих пор слышу этот звон цепи. Глаза перемотаны. Били по голове, топтались по ноге по раненой». А.В. Малиновский говорит о том, что ВСУ не только не скрывали практику убийства российских военнопленных, но и использовали ее как одно из средств террора: «Говорили сразу конкретно, что пока ты у нас,

у украинской разведки в руках, ты еще не военнопленный, мы можем тебя обнулить прямо сейчас. То есть ты никто, тебя не существует».

Одним из постоянных методов пыток киевского режима были пытки электротоком. С.В. Козлов свидетельствует: «Меня украинцы на электрический стул сажали. Аккумулятор, как из машины, и электроды присоединяли к половому члену и губам. И пытали весь день. Еще меня металлическими тросами били, били мастерком по голове. Собаками травили, шрамы остались на спине». О пытках электротоком, которых ему пришлось перенести, рассказывает и А.В. Горий: «На электростул посадили, к пенису привязали проволоку, к соску привязали проволоку и током пытали. Я сознание терял. Потом они прикладом, дубинками ребра мне сломали». Е.А. Скорлупкин говорит о том, что украинские военнослужащие не скрывали своей практики пыток и убийства пленных: «Один ВСУшник рассказывали, что электротоком - тапиком они многих пытали. Расстреливали наших пленных. Говорил, что как-то работал на лодках. Отправили его забирать наших пленных в количестве четырех человек. Он прибыл, а отдают одного. Он спрашивает, а где остальные? Они говорят, ну, все, обнулили». О.Д. Гергенов рассказывает о том, что не менее часто ВСУ использовали пытки электрошоком: «Я впервые в жизни узнал, что такое электрошокер. Жарили долго. Час с головы до ног. Тильную сторону тела обжарили. Потом в итоге, когда в СИЗО приехали, чувствуется, что горелое мясо пахнет». Об этом говорит и Е.В. Некрасов: «В лагере люди рассказывали, что их и электрошокерами пытали, и на электрический стул сажали. Стреляли в них с пистолета пьяные хохлы, колена, ноги простреливали. Напьются и давай издеваться».

Украинские военнослужащие практиковали отрезания, просверливания, прострелы конечностей и ломали пальцы российским военнослужащим. М.В. Лихачев рассказывает, каким лично пыткам он подвергался: «Палец мне отрезали три раза. Секатором, которым ветки рубят. Вырвали четыре зуба пассатижами. На электростул сажали. Собаками травили». А.Б. Охотников свидетельствует: «Он мне сломал сперва один палец. Потом порвал его, побежала кровь, он пытался второй сломать, но лопнула кость. Потом другой сломал мне ребра. Посадили на стул ниже пояса полностью без одежды, перевязали половые органы провололочкой тонкой и стягивали». В.В. Малюков рассказывает о том, что видел в украинском концлагере «Запад-1»: «В лагерь со мной приехал один человек, так ему отбили все пальцы молотками». П.Р. Медокс рассказывает, что такая практика киевского режима носила «обычный» характер: «В лагере люди рассказывали, кому-то гвоздь в руку вбили, кому-то пилой отрезали, кому-то руку сломали».

Е.В. Бритов свидетельствует, что украинские военнослужащие практиковали пытки раскаленными предметами: «Каленым железом пытали парня. Большой гвоздь горелкой нагревают, и на живот. Сам видел эти шрамы у Максима Циолковского. Он оставался на «Запад-1». И у него прямо видно в области живота следы от этого раскаленного гвоздя. Несколько хороших шрамов по десять сантиметров».

Обязательной практикой киевского режима также являлись зверские избиения российских военнослужащих. В.И. Яремин рассказывает: «Останавливаются на блокпосту, открываются двери, эти выходят и говорят, это, говорит, русские. И нас начинают бить, прямо в машине, кто до кого достанет. На каждом блокпосту, пока ехали. 5-6 блокпостов, и на каждом сильно избивали все, которые на блокпостах стояли. Безоружных людей били,

которые связаны были, глаза завязаны. Кто прикладом от автомата, кто палкой. Они нас подбадривали музыкой украинской на всю громкость. Постоянный от «айдаровцев» поток мата, мол, вам всем все равно конец, вы все равно не жильцы, вы сдохнете».

А.Ю. Смирский рассказывает, как его пытали в Харьковском СИЗО – прострелили ногу и подвергали постоянным избиениям в течение месяца, некоторых людей убивали на его глазах: «Когда в яме был, очень сильно били. Одного человека выдернули, он не вернулся, хохлы его убили, вывезли в мешке. Дальше в Харьковском СИЗО разные пытки были. Ногу мне прострелили два раза при пытках с пистолета.

Заходили, у них не было ни шевронов, здоровые дядьки накачанные, просто избивали всех. Человека на моих глазах, Юрия, убили до смерти, забили, просто ногами забили. Его били четыре человека. В Харьковском СИЗО забили до смерти. Это происходило на протяжении месяца и недели – пытали, избивали».

Постоянной практикой киевского режима также были пытки российских военнослужащих со стороны украинских врачей, включая операции без наркоза.

М.А. Анеоргин рассказывает, как его резали по живому: «Привезли в больницу в Краматорск, и врач на живую начал вырезать просто куски мяса. Без обезболивания, без лекарственных препаратов. Украинский врач говорил: «С чего мы вообще вас будем лечить?» В глаз мне ударил. И он и резал по живому, по мясу».

Н.С. Хмелев говорит о том, что во время пыток украинская медсестра смотрела ему в глаза: «Когда меня привезли в больницу, там украинская медсестра одела перчатки и просто засовывала свой палец указательный в шею, в дырку и смотрела мне в глаза. Специально мне засовывала. У меня дырка была в шее где-то с палец. Она просто палец засовывала и ковырялась без обезболивания. Ничего не говорила, просто смотрела мне в глаза. Это в Запорожье было. Потом просто полили водой и забинтовали».

Пыткам со стороны украинских врачей подвергся и М.А. Легких: «В Киеве я на себя испытал: украинский хирург с медсестрой без обезболивающих режут. По живому мне ногу резали. Меня держали пять парней и из полотенца сделали кляп, я чуть кляп не перегрыз от боли. Через день они приходили, каждая перевязка, прочистка ноги, это все повторялось раз в раз без обезболивающего. Это хуже, наверное, садизма. Я не знаю, как это назвать. И так в Киеве именно в СИЗО занимаются. Там со всеми так. Там все орут, все изнемогают. Там всегда так».

В Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными указывается: «С военнопленными следует всегда обращаться гуманно. Любой незаконный акт или бездействие со стороны держащей в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и будут рассматриваться как серьезные нарушения настоящей Конвенции» (статья 13 раздела II), а также «Никакие физические или моральные пытки и никакие другие меры принуждения не могут применяться к военнопленным» (статья 17 раздела III). Зверства киевского режима по отношению к российским военнопленным являются грубыми нарушениями Женевских конвенций и военными преступлениями, которые не знают срока давности.

Приведенные ниже данные являются дословными и неадаптированными свидетельствами вернувшихся из украинского плена российских военнослужащих.

1

Лихачев Максим Владимирович

«Меня подняли, я чувствую, что у меня идет кровь. Меня начали обыскивать. Я вспомнил, что у меня телефон, что я его не выкинул. Говорит, что в телефоне? Я в это время понимаю, что там есть карта моей стартовой позиции, где у нас находится еще 25 человек, откуда мы стартуем, ну по 5-6 человек. И конечная точка. Между ними еще несколько точек. Я понимаю, что, если сейчас на нее выводит телефон, это все. Я выхватываю телефон и разбиваю его в брусчатку.

Ну и результат. Палец мне отрезали три раза. Секатором, которым ветки рубят.

Вырвали четыре зуба пассатижами. На электростул сажали. Собаками травили. Это «Азов» и «Кракен». Собаки рвали нас. Два ротвейлера. Федя и Окси их клички. То есть собаки тебя рвут. Час они тебя рвут. Делать ничего не можешь.

Единственное, чтобы в горло не вцепились. Потом был электрический стул, шрамы, то есть от электрического стула ожоги. Сюда подцепляется клемма, вторая подцепляется к шее. Генератор, станция, которая дает 220. Ребра у меня три сломанных. Спустя 3 дня они поняли, что я уже умираю, что все, я не вздохну, ничего не могу. Завязали глаза и увезли меня, получается, на Харьков. И там мне сразу же сказали, что проткнули мне иглу, выкачали кровь, дали бутылку с трубкой и сказали, что хочешь жить, не вздумай убирать, задохнешься. Теперь с этой бутылки, то есть в багажнике со сломанными ребрами, я ехал до самого Днепропетровска, до больницы».

2

Гурий Александр Иванович

«Меня ВСУ увезли где-то в лес. Завели в блиндаж. Там подошел мужик, говорит: «Кто это?» Ему говорит, русский «Горий». А он: «Фамилия наша, украинская. Что он против нас?» На электростул посадили, к пенису привязали проволоку, к соску привязали проволоку и током пытали. Я сознание терял. Потом они прикладом, дубинками ребра мне сломали.

Я слышал, пока другого пытали, он кричал сильно. Потом узнал, что это мужик, который заходит, его зовут Сан Саныч. Он как хозяин этого места, где пытали нас, специалист по пыткам. Потом увезли в Харьков. В камере рассказывали, как на спине гвоздем флаг русский сделали человеку. Потом посидел в Киеве. Там в Киеве бабка была, не бабка, а изверг, что тот гестаповец. Ну, она медиком была. Она когда ранами

занималась, наоборот, больше делала».

3

Еремин Вячеслав Вячеславович

«Я был в подвале у бригады «Азова» на заводе. Откуда знаю, что «Азов»? Глаза завязанные были, но они часто включали гимн «Азова» в вечернее время суток. Охранники были пьяные. Включали гимн «Азова», ставили на колени и избивали. Глаза закрыты были, руки были завязаны. Избивали долго, до утра почти, всю ночь. Там же выпивали. По нам они отрабатывали удары, а потом опять шли выпивали. В это время я или валялся, или ставили нас на колени. Пленных восемь человек было. Всех поочередно били.

Хотели мне отрезать половые органы. Завели «болгарку» и порезали ногу мне, прямо возле. Прямо хорошо зацепили. Шрам остался.

Пытали током. Привязывали провода на пальцы, обливали водой. Тапиком. У меня сердце остановилось. Потерял сознание, я открыл глаза в мешке, в черный меня упаковали. Не должен был открыть, но открыл. Я уже в мешке лежал, а потом, видать, сердце заработало. Я помню кадры, кадры включаются, выключаются. Сутки я рыгал, не поднимался. Потом вывели, поставили на колени. Достали пистолет и резко выстрелили. И это все фиксировалось на камеру. Эту фотографию они отправили моей матери.

Очень сильно пытали ДНРовцев. Очень сильно. Их током забивали до бессознания и потом куда-то увозили. Ну, обнулять. Потом я встретил несколько человек там. А кого-то, думаю, убили.

Один упал и больше не вставал, упал прямо лицом об пол, они думали, что он шутит, подняли его еще, крутанули током, он упал и больше не вставал.

Русским, нам сказали, вам повезло, потому что нам нужен обменный фонд. Если вы тут не сдохнете от того, что мы с вами делаем. Я там пробыл 16 дней. Глаза завязаны, не кормили. 16 дней вообще не давали никому. Потом дали нам какие-то два печенья. И я понял, что нас увезут на обмен.

Они включают гимн Украины, если не повторил, тебя бьют, пока ты не выучишь. На телефоне его. Он проиграл, допустим, куплет. Он выключает, должны повторить. Если не повторяешь, они начинают убивать. Опять включает. Слово перепутал – начинают убивать опять.

Мне очень часто включали гимн «Азова». Один поставил меня на колени и просто отрабатывал на мне удар. Становился, руку к груди свою, постоял молча, я стоял на коленях, и потом он начинал меня бить ногами, руками.

Когда мы приехали в концлагерь, один вышел и громко сказал: «Вы приехали к бандеровцам, теперь вы узнаете, что такое Бандера». Я запомнил это на всю жизнь. И все 19 месяцев я был именно там, где себя считают детьми Бандеры. В лагере там все стены, фотографии обвешаны Бандерой и Шухевичем. Даже в этом лагере «Запад-1» все стены в них. Идешь, там 100-метровка перед столовой, там все стены, все там Бандера и Шухевич. И фашистские знаки – все висит на стенах. Это – гордость их».

4 Курцев Александр Викторович

«Нас построили, раздели до трусов. Приехали молодые люди в непонятной форме, и там просто они нас избивали. Меня вот лично искал ротвейлер. На всю жизнь запомню, собаку звали Федя. Еще была Рокси, ротвейлер поменьше. Вот они меня рвали на части.

А мы были в трусах одних. Вот у меня от клыков следы. Он меня насквозь до кости прокусывал. Потом нас избивали битой алюминиевой, она была набита песком. То есть такой массивный инструмент.

Вспоминаю, один из пленных был молодой человек с Одессы. Ну, видно, когда конфликт еще начинался, в каком-то году они, наверное, с семьей переехали. И украинцы узнали, что он с Одессы. Начали очень сильно его били. У него кровь просто шла фонтаном. Потом я его уже не видел.

Потом одного нашего я лично видел, он снял футболку, у него была иссечена вся спина. Кнотом его сильно били до костей. То есть там просто выскакивало у него мясо. Леша его звали, ну 25 лет от силы. Человек был в подвале 20 дней до СИЗО, его бросят в подвал, вытащат, сильно избивают, потом бросают, и так каждые 4 часа. Вот он 20 дней в такой жизни просуществовал, не знаю, как выжил».

5 Кошелев Дмитрий Николаевич

«В плену завязали глаза, связали руки, привезли в подвал. Начали избивать, били по голове. Чем, то ли арматурой, то ли прикладами, непонятно. Шрамы до сих пор остались, даже еще не зажили толком на голове.

Наручники пристегивали и на цепь подвешивали под своим весом, ты вот так висел на руках. Висел, пока до костей не прорезало наручниками мясо.

Потом раздели догола, поставили на колени в вольер собачий на улице. Это был ноябрь месяц, уже было холодно. Мы голые на коленях стояли в вольере, головой вниз до утра.

Потом увезли, посадили нас в подвал и первые четверо суток просто убивали. То есть кто-то зашел – бам, вопрос задают, тут же бьют. Кувалдой в грудь били, по плечам. Кувалда такая с ручкой, деревянная ручка, большая такая железная кувалда. На коленях стоишь, а тебе с размаха кувалдой в грудь, по спине. А мы на коленях стоим. Потом отвезли на другую яму, били. Когда там заходили, надо было кричать «Слава Украине!», заставляли, если не будешь кричать, тебя били по голове опять

железяками какими-то. То есть там нас сидело 21 человек, подвал 4x4, земляной подвал. На пятые сутки первый раз покормили.

Потом поехали на Харьков, на тюрьму, на СИЗО. Опера местной тюрьмы нас полностью всю камеру выдергивали и пьяные нас били кулаками и ведрами, залитыми цементом. Потом сказали, мой пол от крови. Это было за день до приезда Красного Креста туда.

Они прямо утром перед Красным Крестом открывают камеру и говорят, ну что, ты будешь языком лишнее говорить или нет? Ну, сами понимаете, если ты скажешь лишнее, тебя убьют просто, и все».

6

Малиновский Андрей Валерьевич

«Когда взяли нас в плен, перевязали руки не как обычно там, ну, веревкой или скотчем, а перемотали руки жгутом то есть и на протяжении где-то около часов шести не ослабляли, руки немели, я их упрасивал, они просто смеялись. Мог руки потерять, но их это не останавливало.

Потом они засунули тротила в бронежилет мне. Все, короче, сказали, ты идешь с нами на точку, будут ваши стрелять, если тебя, говорят, не зацепят, тогда, говорит, я нажму кнопку и тебя разнесет.

Он говорит, ты не думай, что так быстро умрешь. Укололи каким-то уколom и сказали, что ты будешь чувствовать, прочувствуешь эту боль на себе всю. Ты умирать будешь долго очень. Не знаю, что они мне вкололи.

Говорят, как их пропаганда: «Вы – кацапы и пришли убивать наших детей». Я говорю, никаких детей мы не убиваем, потому что у нас написано в контракте, что противоправные действия, то есть которые попадают под юрисдикцию закона нашего государства, то есть, если мы нарушаем закон, мы несем ответственность уголовную.

Мирных граждан мы не приходим убивать ни в коем случае. Мы воюем против банд-формирований ваших, я им это сказал. Был избит, удары были, как ломом либо кувалдой какой-то, били с такой силой.

С глазом это у меня ранение, кассета взорвалась рядом. Украинский хирург мне там пошутил. Я ему говорю, вот у меня глаз, посмотрите, а он сказал, я сейчас ударю тебя по другой стороне, у тебя такой же будет,

Операцию мне без наркоза делал абсолютно. Удаление осколков, отщепление мертвых тканей, это все вырывалось, все без наркоза. Это ужасная боль. Украинский врач говорил: «Ненавижу».

И когда он мне последнюю делал перевязку, он снял повязки и намазал мне зеленкой открытую рану. У меня зашито здесь тоже, полностью все перешито. То есть приподнял мне губу и зеленкой там еще намазал. Ну то есть издеваются, как могут. Пугали, что половые органы отрежут».

7

Охотников Алексей Борисович

«Допрашивала нас какая-то женщина за 30 лет. У нее еще есть ребенок, она частенько созванивалась с ребенком. Постоянно говорила, что нужна физическую силу с вами использовать. Она из СБУ. Говорила, что нужны меры физического воздействия. Зашел командир роты и мне сломал сперва один палец. Потом порвал его, побежала кровь, он пытался второй сломать, но лопнула кость. Потом другой сломал мне ребра.

А она сидела рядышком и руководила пытками. А между пытками созванивалась с ребенком. Потом заставляли давать какие-то поздравления, но это в течение недели это все происходило. На украинском было написано, что говорить. Они же видео снимают по пояс, и смысл текста, я, мол такой-то, поздравляю вас с днем рождения, желаю там и так далее.

Эта женщина из СБУ заставила еще меня сделать видеозапись, что русские парни – сдавайтесь. Посадили на стул, ниже пояса полностью без одежды, перевязали половые органы провололочкой и стягивали.

Под конец я уже не выдержал, я, можно сказать, ревел. Пытал вот этот командир роты. Он сбоку сидел, его не было видно в телефон. Там по пояс только поснимали, потому что дальше-то я голый сидел уже».

8

Айняургин Матвей Александрович

«Сразу начали избивать. ВСУ думали, что я бурят. Говорили: «Сейчас мы тебе там головуотрежем». Сказали, что тебя сейчас вот обнулим, ты как бы не нужен. Начали они связываться с командованием, как я понял, ну, что со мной делать? Или убивать, или нет. Потом отвезли в деревушку небольшую на Соледарском направлении. Там тоже избивать начали. Я сказал, что я был в подразделении ЧВК «Ветеранов», а они ЧВКшников живыми не брали, потому что они не давали им прохода. Наши не отступали, а стояли на месте и отражали атаки ВСУшников. Ну, из-за этого они убивали сразу ЧВКшников. Даже раненых, они их тоже расстреливают, добивали.

Командование, я как понял, не сказало убивать, и они начали с волонтерами какими-то связываться, здесь военнопленные, все такое, за деньги, что-то они начали говорить. Потом сказали, ты, типа, нужен на обменный фонд.

Меня вывезли в сторону Краматорска в гараж, где были СБУшники. Сначала они меня избили. У меня ранения на ногах были, они пинали мне по ранам. Потом СБУ перевезло меня в другой гараж, где следаки их приезжали, командование из других подразделений приезжало. Там, в этом гараже, киянкой мне тоже по ногам били, ну, по местам ранений. Сказали, все, короче, если ты несговорчивый, тебя сегодня просто обнулят. Как я только с машины, меня с ног сбили и начали запинывать прямо на дороге. Проезжали другие машины, ну и снимали, как меня избивают. В основном били по голове, по сердцу.

Когда меня избитого уже закинули в пикап, в багажник, двое сели впереди. Они начали избивать в эту всю дорогу. Ножом по голове били. Когда у меня кровь шла, они наматывали скотч. Потом, когда опять начинали избивать, у меня опять новые раны появлялись. Ну, сверху того скотча и опять скотч. Ну и каждый там блокпосты проезжали. На каждом блокпосту так же били. Заставляли кричать «Слава Украине!» Открывается дверь, все, ноги полетели, тебя запинывают. Ты не видишь просто, у тебя глаза все закрыты, руки застегнуты сзади. Все, тебя запинывали. Ну, в основном в голову били.

В СИЗО они зафиксировали ранения и сказали, что Красному Кресту должен говорить, что это на поле боя были получены ранения».

9

Кюрча Александр Николаевич

«Когда меня пытали, мне переломали ноги в двух местах. Сначала одного пытали, мы слышали, как его избивали, то есть крики, оры, это, наверное, было сделано для нас, чтобы мы это понимали, что нас ждет то же самое. А потом прошел мимо нас хохол, держал в руке битую металлическую. Прошел в одну сторону, по удару нам сделал, именно в одно и то же место, ему и мне, в ногу под коленную чашечку. Ну, нога сразу хрустнула и одинаковые переломы на одинаковую ногу. То есть навык у него был, видимо. Бита сама по себе очень такая нестандартная бита. Именно для пыток, я понимаю. Песок или стержень какой-то металлический внутри был. Мне ее потом дали отмыть от крови. Это на меня психологическое давление было, чтобы я понимал, что меня дальше может ждать. Он мне дал после этого битую отмыть и сказал, я завтра приеду. Он привез

пистолет, нам сказал, нам трое не нужны, нам надо два человека. Выбирайте, кто из вас обнулится сам. Ну, сами, типа, выбирайте. Ну, как можно это сделать? Тебе сказать, давай ты или я, что ли? Давление такое у них психологическое. Хорошо, нас утром рано погрузили, увезли на другое место.

Человек со мной сидел, Борис Андреевич Стополянский. Его на первой линии хохлы долго держали. У него одна нога в осколках вся была, а бегал босиком. То есть он пробежал – минные поля разминировал на протяжении месяца, пока его не отвезли дальше. В украинском госпитале человек умер при мне. Его когда привезли, он полностью как мясо был. Ну, ходячий труп был. И просто он лёг на пол, захрипел и умер. Никто никакой помощи не оказывал. Врачи украинские подошли, посмотрели. Ну, шевелится, ушли, он умер».

10 Ерохин Геннадий Васильевич

«Меня взяли в плен ночью. Этой же ночью отвезли в село какое-то, глаза были завязаны. Приехала украинская контрразведка, начался допрос. Привязали провода, правая рука, левая нога, и на протяжении трех часов били током. Когда валялся на полу, избивали дубинкой.

Пару дней просидел в ямах. Потом, когда повезли в тюрьму, с утра до вечера нас свозили. 24 человека свозили в протяжении дня.

И вот на протяжении этого дня всё время избивали. Палка, труба. Металлические трубы. В основном по голове, руки, ноги. Сидели связанные, завязанные глаза. Пакеты на голову одевали, душили.

Пока везли, нас три раза пересаживали с машины в машину, во время пересадки избивали, тоже глаза были завязаны, слышал свист, я понял, ремень или веревка, на конце железка. Вот остался у меня след, перелом кости, били по коленям и по рукам в основном.

В СИЗО парни рассказывали, им хохлы прокалывали спицей, шилом около коленей. Такие еще пытки».

11 Малюков Виталий Васильевич

«Когда привезли в подвал, начали избивать. Специально пинали по рукам – у меня ранение пальца было, осколки в кости, нервы перебиты. Обливали водой холодной, там дубак конкретный, и тебя просто водой холодной специально.

Глаза завязаны, слышишь: «Ты, тварь, завалить тебя». Потом нас передали. Тоже глаза завязаны постоянно, уже наручники одели. Потом снова передали каким-то еще людям. Вдоль дороги вытащили, потому что до трассы была слышна трасса машины. Начали трубой бить, часов пять, наверное, прямо на этой трассе провалялись. Видимо, чтобы видели, может, украинские жители, что пленных взяли. Там говорили: «Вот минное поле, давай вас на минное поле, кто выживет».

Потом привезли нас уже на концлагерь «Запад-1». В лагерь со мной приехал один человек, так ему отбили все пальцы молотками. У него прямо мякоть прямо там на ноге была. Ему не оказывали вообще никакую медпомощь.

В дальнейшем ему ампутировали все пальцы на ноге, потому что там без выхода было – у него загноилось уже все. И вот он ходил с обрезанными пальцами, заставляли ходить».

12

Алибахарчев Камил Хасбулаевич

«ВСУшник начал издеваться над моей раной. Ну, пуля там. Издевался он над этим. Ну, вот так растаскивал это и даже плюнул потом туда.

А допрашивал меня из «Кракена» крымский татарин. Он начал мне говорить, вот, ты мусульманин, ты должен убивать русских. Я говорю, как покойный Расул Гамзатов сказал, я сказал, что я – аварец в Дагестане, дагестанец по всей России, а за пределы России я – русский.

Они начали битами бить меня. По ногам там, туда-сюда. Ну, как хотели, так и издевались. Я не помню, сколько дней, трое суток, четверо суток я был там.

Они мне говорят, что я продался. Я говорю, я не продался, это моя родина. Мое государство. Мой президент.

Однажды одного молодого на колени поставили и меня на колени поставили. Потом повалили меня. ВСУшник мне на ногу наступил и говорит: «Это старая орка. Его будем сейчас разрывать». Потом один еще говорит: «Можно я... Я еще русских не трогал». Сам хохол, козел. Подошел, ударил меня кулаком и отскочил. Я же орка, страх, видимо, у него.

Потом этот опять положил меня, наступил на меня. И мне показалось, что половина иностранцев там.

Потом привезли в Харьковское СИЗО. Потом там этот, который нас привел, укроп, он порезал ленты, что мы связаны были. Снимите ленты, шапки снимите сами, говорит. Я снимаю, и с машины же вылез, вот так смотрю, там написано на хохлянском, червонный крест. Красный Крест. Этот сотрудник Красного Креста, он меня, оказывается, бил. Хохол. Паскуда эта. Я просто на него посмотрел и я сказал, что мы же можем еще встретиться.

И в СИЗО у них приемка хорошая, там было, типа, я Ахматовец, и били. Били, кто проходил. Били палками.

У меня пуля тут и осколки тут. Я не могу руку выгнуть. И нога у меня раненая. Я врачам говорю, надо пулю вытащить.

А она мне сказала, русские пусть вытащат. В итоге нахрен послали меня. Ударили. Потом я говорю, дайте лекарство. Ничего не давали. Восемь дней я в камере лежал как мертвый. 40 человек в камере.

Там был один паскуда. Тварь конченная. Его зовут Ярик, Ярослав. Это бывший сотрудник полиции города Твери. Он убил кого-то. Типа посадили 10 лет, но не отсидел столько и сдался хохлам без единой царапины. Он издевался над ранеными, бил.

Там врачи, их врачи приходят, молодые девчата. У меня нога раненая, и по ноге одна бьет. Это врач бьет. Железная какая-то херня. Я смотрю, а она бьет.

Одна лишь единственная из врачей была нормальная. Она хотела ногу обработать. И вот эти, которые были там охранники, за руку ее взял, что-то сказал ей на ихнем языке, типа пошла на ... отсюда. Врачихе сказали».

13 Мацнев Александр Сергеевич

«В плену украинцы хотели мне палец отрезать. Хотели расстрелять. Сначала пикап какой-то посадили, повезли на химзавод. Там допросили, загрузили обратно в пикап, ехали по дороге, глаза были завязаны, остановилась машина, нас выкинули с машины, к дереву приставили. В ВСУ женщина была, она отвела второго пленного, с кем я был в сторону, и застрелила. Подошла ко мне, начала тоже стрелять, но стреляла в сторону. По-всякому меня обзывала. Когда пацана она убила, меня одного закинули в пикап, привезли в какой-то дом. Я раненый был, открытый перелом. Палец мне прострелили. Начали электрошокером бить, потом палками, трубой.

Потом утром меня в машину загрузили, глаза завязали. На какое-то СИЗО привезли. В камеру меня забросили. Один зашел, начал обзывать, вышел и заходит с бруском и начал бить по голове. Потом он снова вышел, затащил трубу пластмассовую, начал трубой бить.

Наш один потом мне рассказывал, как ему украинцы ножом палец отрезали и электротоком пытали».

14 Корольков Евгений Александрович

«Приехали парни в масках на джипе, нас забрали. Сразу нас в один дом привезли, типа как сарай не сарай, начали там: «Вставай на колени». На что, конечно, был отказ, поставили внаглую, уже через силу. Били палками, когда уже повалили, начали топтаться по ранам конкретно.

Видно же им, одежда была разорвана, кровь идет, хоть и был пережгутован. Хохол прямо ногой встает и крутит прямо в берцах, прямо по ране, на грудь всяко-разно там скачет, прыгает туда-сюда.

И вот так вот получалось у нас, только за один день мы сменили четыре места, и в каждом месте они все это делают и все снимают на видео. Снимали избиения.

А потом стали просить поздравить свою маму там, родственника. Мы в крови, руки скотчем перемотаны, все стоишь. Он говорит, вот там, скажи то, скажи это. Поздравь, у меня там у брата день рождения, такое ощущение, как будто у них всех в один день сразу день рождения, все, кто был, заставлял. Маме, скажи, поздравляю, слава Украине. Я даже не понимаю, для чего они это снимали.

Вот эти три дня нас мотали по всем хатам, били, сорвали цепочку с крестом, запихали в рот и били просто в челюсть. Говорили, чтобы жрать свой крест, а зубы крошились. Долбили конкретно за то, что ты типа крест носишь. Все эти издевательства были.

Потом нас привезли на дом в СБУ. Были три человека, один записывал на компьютере ответы. Они в масках. Один записывал на компьютере, двое вопросы задавали. Слышите, говорят, как кричат люди тут? Ну и по нам применяли электрошокер, дубинки. Вот они по очереди, вот каждому, вот. И все вот так вот проходили по кругу. И привезли четвертого еще с нами, и они его сильно отмузузили так. Он весь был синий, весь в кровище, сидел в одних трусах. Я не знаю, за что его отмузузили так.

Как мы уже узнали, его потом увезли в госпиталь. И ему после всего этого там ампутировали ноги. Понятно, что в СБУ отбили ему все, что есть.

Потом повезли уже на СИЗО, это в Орехово. Привезли в госпиталь осмотреть, сказали, лишнее ничего не говорить, в глаза никому не смотреть, смотреть в пол, завели. Медики говорят, все, пойдут, можно содержать их в СИЗО, и все, так вот, короче, отпихнулись, ничего не сказали, независимо от что там есть в ранах, есть осколки, нет осколков. Потом нас, как котят, шмотали по этому уазу, закинули, выкинули. Руки все связаны, это все плашмя на асфальт».

15 Чулаевский Виталий Константинович

«Пытки начались уже на Сумской границе, когда меня привезли, в яму посадили. А потом уже начались допросы и били током по очереди. Потом били ногами, руками. Руки при этом связаны. Были ребра перебиты, зубы выбиты.

Потом в соседнее помещение перевели. Там наши с 9-го полка, двое тоже сидели. Вместе все прошли. Их тоже били. Ночами пытки продолжались, людей подвешивали и били цепями, палками. «Вагнеров» искали. У людей забирали телефоны, избивали, чтобы залезть в телефон, все аккаунты, доступ к картам, к соцсетям. Сидели люди, уже на компьютере пробивали.

Я слышал, там они «Вагнера» одного вычислили, в общем, больше этого парня не видел. Потом меня увезли на СИЗО».

16 Еремин Виталий Сергеевич

«Попал я после ранения в подвал. Нас только привезли, когда эти укропы нас забрали. Приехала какая-то машина, Бредли, не Бредли, типа броневичок. Сидела там женщина. Поговору она была то ли полячка, то ли еще что-то. Привезли. Только как нас привезли, один меня взял, ну здоровый такой, и с багажника выкинул, я метров шесть, наверное, пролетел. Я понял, что, короче, попал, будет кино.

Кинули в подвал. Потом с подвала вытянули, ну, с погреба сырого. Позвали медика, пацан как бы молодой, высокий такой пришел, он говорит, я медик, давай тебя посмотрим, ранение, не ранение.

Я ему показываю, тут в районе сердца, он берет вот эти гнутые, как пинцет. Полез туда, ковырялся, ковырял, достал маленький осколок от кассеты. Потом засунул и начал еще кругов 10, я корчился от боли. Сзади стоял с автоматом коротким, такой в годах мужичок, говорит пискнешь, прибьем, короче. Вижу, он кожу эту аж оттянул, полез тут, тоже осколок. Короче, я сознание потерял, вот так два раза было.

Я ему говорю, что там достал? Он говорит, я там, если бы ты не упал, я бы достал. Хочешь еще, тогда достанем.

Все, я говорю, ничего, как бы, я не хочу. Походу, горячий он

туда осколок заскочил.

Как бы сильно помощи он не хотел оказывать. Видно, что глаза горят, дурной глаз, ему лишь бы, ну, поиздеваться.

В концлагере «Запад», был парень, ему на лбу «азовцы» букву «В» выжгли, железку накалили и выжгли. Я видел его возле столовой – у пацана шрам. Еще Димка у нас был. Ему хохлы ухо прострелили. Еще они закапывали людей. Закапывают в яму по шею. Вот он там может сутки, двое, и ни воды, ничего не дают».

17

Комков Александр Николаевич

«Сначала украинцы били руками, потом палками, потом до тросов дошло дело.

Тросами, которыми машины тянут, металлические. Этими тросами мне сломали ребра.

Потом в бетонной яме меня в поток сажали, опускали туда ноги. Наливалась вода в ведро. Опускали мои ноги туда. Без ботинок, без всего.

И опускалось два провода и от электрощитка 380 ток. Потом, чтобы я не терял сознание электрошокером, чтобы приводить меня в чувство.

И потом продолжение дубинками, палками и тросами. Там было человека 5-6, и главный говорил каждому, что делать. И они выполняли его поручения по пыткам.

Потом меня привезли в сарай, бросили и там били. Потом через двое суток меня в третий бетонный подвал привезли. Там то же самое, только что уже отвязывали руки, отвязывали глаза.

И то же самое – сажали на стул, руки за спину. Потом били тросами, палками, ну и конечно, ногами».

18 Агашин Дмитрий Николаевич

«Где-то километр-полтора нас хохлы провели. Одного обнулили они, естественно. Одного человека расстреляли. Пытки начались на следующий день.

Глаза были завязаны, перетянули нам руки швырками. То есть мы провели с этими перетянутыми руками часов 14 до утра. Руки уже чернеть начали. Потом приехали два костолома. Ну, судя по всему, были «азовцы». Им в принципе ничего не надо было от нас.

Двое ребят наших там стояло раненых. И просто первый удар в бровь, потом электрический стул, а потом пошла бита. Били так, что... Ну, просто они не били, они убивали. При этом говорят: «Когда вы сдохнете когда-нибудь? Можно, конечно, застрелить, но это для вас будет очень быстро». Били по всем местам ранения.

Накатывали так, что ты вроде подышаешь, а оказывается, ты еще живой, потому что режут тебя ножом, ты вскакиваешь. И потом вот, когда он видит уже, что ты еще пару ударов и ты сдохнешь, он прекращает. Когда ты начинаешь молиться, чтобы тебя застрелили, он прекращает этот момент.

И так же продолжает следующий, следующий, следующий. Нас было трое. Всех троих бил двухметровый человек с огромной битой в руках. Он просто и работал так, что от биты летели щепки. Каждого, кого забивают, тот уползал в сарай. Потом они уехали. При этом зашел, мне тыкнул пальцем, говорит, приду, тебя застрелю. Либо ты сегодня сдохнешь, либо ты завтра по-любому сдохнешь. Я говорю, ладно, хорошо. Нас увезли с утра, перевезли на ямы. На ямах продолжалось издевательство».

19 Ковальчук Андрей Тимофеевич

«Меня хохлы били палками, в наручниках пристегнутым. Пинали ногами, руками, полными канистрами 20-литровыми. Не любят они бурят и якутов.

Других током пытали. Одного, тоже хакаса, по национальности, его током. Собаками травили. К бурятам самое жесткое отношение.

На тюрьме в Харькове, на СИЗО то, что я бурят, меня в первую очередь били.

И потом меня били ещё в Виннице. Это тоже в изоляторе. За то, что я бурят. И что бурят, и что еще у меня фамилия украинская – Ковальчук.

Из-за этого тоже били».

20

Таракановский Андрей Витальевич

«Я бы даже не назвал, что делали хохлы пытками, потому, что пытками пытаются что-то выпытать. Не носило это никакой цели узнать что-то. Это истязания.

Один хохол с болтом длинным долго-долго избивал. Причем такое, видно, уже достаточно тренированное на этой должности, бил без остановки, как швейная машинка, болтом. Да, так, что остается резьба потом на коже, то есть весь в резьбе остаешься.

Дальше ведут в гараж, где сидят трое, там продолжается опять тот же допрос, опять те же вопросы. Значит, там сидит «барабанщик» с канатом, обмотанным скотчем.

Он просто сидит на протяжении всего допроса и просто по голове темп какой-нибудь отбивает.

Когда барабанщик уставал, подходил такой здоровый мужичонка, может лет 25. Накидывалась на шею цепь, он душил.

А с утра приехал за нами докер, хозяин одной из ям, как многие его называли. Он занимается избиениями наших военнопленных. Он бьет арматурой, киянкой. У него там есть свои любимые инструменты. Чем он вас ударит, вы не знаете, потому что у вас завязаны глаза скотчем, то есть вы не видите.

И когда от него прилетит – неизвестно. Отработанная схема.

Причем я разговаривал с ребятами, все проходили одно и то же. Тоже этого типа с металлическим штырем.

Если в этом подвальчике мало народу, то есть в районе 7 человек – там холодина жуткая. Если набивается по 27 человек, то там уже жуткая жара и нечем дышать. А воды давали очень мало.

В СИЗО рассказывали, одного нашего парня посадили очень изошренно в подъезде зимой. Раздели. И направили в него пушку-охладитель. То есть в одну сторону она дует холодную, в другую, соответственно, горячую.

Ну, как кондиционер такой. Ну и всю ночь он просидел под этим кондиционером. Его замораживали зимой.

Со мной в группе, когда мы пошли на БЗ, был Николай. «Лата» позывной. У него было раздроблено колено. Все дошло до того, что ему не оказывали медицинскую помощь настолько, что когда ногу перевязывали, у него потом начались фонтаны гноя из ноги.

Когда его уже все-таки отправили на лечение, он уже был в таком состоянии, что его выносили на носилках.

И вот его когда в поезд погрузили, через 10 минут ему стало плохо, и он умер. То есть уже просто констатировали смерть.

А в СИЗО нас, по сути, морили голодом. Могли на завтрак дать одну столовую ложку каши».

21 Харунжий Николай Александрович

«Я был ранен в бою. Они тащили своего раненого. И я тут на дороге валяюсь. У меня бессознательное состояние.

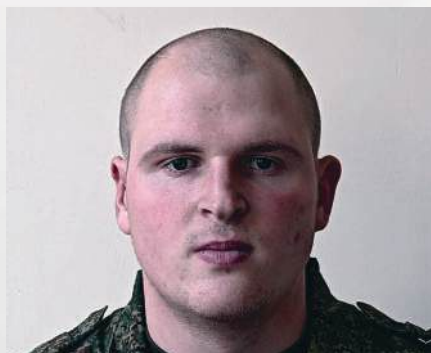
В общем, подобрали. Запихали в свой броневик, как они мне объяснили позже. Если бы их не был ранен, убили бы меня. Мы бы и тебя, говорит, завалили. А так, говорит, собираем на обмен.

Привезли меня в какой-то частный дом. Ну, били, пинали всю ночь. Завезли в больницу, в госпиталь. Заклеили мне там, где ранение у меня, спина простреленная. Просто заклеили.

Не знаю, пуля там осталась или нет, доставали они ее или нет, я не понял. Избивали палками, трубами, лупили хорошо руками, ногами. Били-били, колотили.

В тюрьме рассказывали, как хохлы собаками травят, руки, ноги, ребра ломают».

22 Черняков Иван Евгеньевич

«Когда в плен взяли, пинали ногами, палками били. Потом привезли в подвал. Там стали издеваться – голову ключом пробивали. Пакеты на голову одевали, держали, чтобы задохнулись люди. Душили. По ребрам били. Заставляли записывать видео, что Россия плохо – угрожали колено на ногах прострелить, пальцы на руках отрезать.

Ребята рассказывали, что одного нашего прямо с их подвала увезли, его застрелили. У него заражение крови уже было и ноги были прострелены».

23 Некрасов Евгений Игоревич

«Меня хохлы душили веревкой. Затягивает человек и рукой держит. Трубой по голове били, след остался. Глаза завязаны, и руки связаны.

И потом в СБУ били. Такой огромный детина. Если слово не так говоришь, сразу по голове.

В лагере люди рассказывали, что их и электрошокерами пытали, и на электрический стул сажали.

Стреляли в них с пистолета пьяные хохлы, колено, ноги простреливали. Напьются, и давай издеваться».

24

Левин Сергей Алексеевич

«Раздевайтесь, кричат, раздевайтесь. Начали избивать палками, трубами, глаза завязаны. Приходят с битами, говорят, а, ты с «Вагнера». И начали меня бить. В основном они меня заваливали. Потом передали другим каким-то спецслужбам. Я говорю, у меня ноги. Заставили разуться, а я потом обуваться не могу, они же распухли, они обмороженные были и распухли. Ну, такие боли, мне не до чего, я ору, убейте, застрелите, я уже жить не хочу просто. Они передали другим, другие повезли.

Допрашивают, избивают, допрашивают, избивают. Потом приехал какой-то их командир. Этих дальше отправляй, этого — на меня — говорит, обнулить. Типа, ну, застрелить. Я думаю, все. Думаю, слава Богу. Честно, я рад был. Если честно, я был рад, чтобы меня застрелили.

Ну, что-то они туда-сюда. Мешки на голову одели и повезли дальше. Привезли опять. Деревня какая-то. Нас выгрузили. Раздевают и на улице нагайками бьют. Я помню, нагайка, потому что у меня рассекло все здесь. Глаз, кровь. Потом кто руками, кто ногами, кто чем, у кого что было. Потом в гараж, и холодной водой обливать. В гараже стул железный стоит, сажусь на этот стул, начинают пристегивать просто ремнями. И вот на половые органы вешать начали и ток включать. Я кричу, застрелите. А еще при этом бьют. Закинули в подвал. Мы там неделю жили. Я ходить не могу, у меня нога. И издевательства каждый день.

Я у него пробыл две недели, и у меня ноги уже начало мясо отваливаться от ног, гноиться. Меня вывезли на Киеве на тюрьму, на СИЗО. Говорили, там тебе ноги отрежут. Там женщина пришла, медик. Она говорит, вот тут ты мне и сдохнешь. Наверное, недели две пробыл.

Как раз Красный Крест приехал. Там доктор говорит, его надо вывозить, то есть надо ему что-то делать. Они говорят, да мы разберемся, что тут надо. И украинский доктор мне пальцы просто на вот эти ноги, чук-чук-чук-чук, отрубил просто на живое просто. Я говорю, вы что делаете? Вы просто на живую, представляете? В лагере мне хирург говорит: должен терпеть. И начал резать просто, отламывать. Отрезали, я там орал. На живую, конечно, никаких там обезболивающих не было, просто на живую».

25

Якимов Николай Павлович

«Были такие, которые попали в плен, но их потом нигде не видели. Я знаю точно, что двоих они добились раненых наших. Когда взяли в плен.

Мне глаза завязали изолентой и вот всю дорогу там уже лупили. Пацаны потом рассказывали, что там был какой-то рыжий дед с клюшкой для хоккея с мячом. И он сам лупил этой клюшкой по рукам, руки тяни, вот это я слышал сам. Потом одному он говорил, жопу или яйца.

И заставлял его что-то выбрать. Тот отнекивался, он его бил постоянно. Вот это я слышал по дороге. Это самый момент страшный, когда тебя везут с момента плена и до СИЗО. Тебя еще нигде не зафиксировали, что ты пленный, и с тобой может что угодно случиться. Вот там они бьют жестко. Еще вот, когда везут тебя, там заставляют орать «Слава Украине».

Во время приемки все в балаклавах, ну, лица скрывают. Ругаются: козлы, пидорасы, русский мир. Температура у тебя или еще что-то. Ты должен был стоять. А там еще одежда холодная. Ты на холоде стоишь. Тебя трясет. Ты по два часа можешь стоять. За время, пока я там был, 4 человека, по-моему, умерло. Я видел много людей с простреленными руками. Вот именно кисти рук простреленные, пальцы переломаны – много таких тоже попадает».

26

Легких Максим Александрович

«Я попал к Правому сектору. Заставляли какие-то песни петь – «бандеры наши», песни их. Эти флаги бандеровские, правого сектора висели у них. И избивали. Потом в контрразведке я потерял левую сторону зубов. Глаза закрыты. Били в тактических перчатках. Там душевая была переделана, где матрас брошен был, на стенах как какая-то радуга, цвета радуги были раскрашены. Школа какая-то была.

Там лежал парень. Он был с Луганска. Сильно был побит, у него колени были распухшие, одна как три, и лицо было сильно повреждено. Я не мог понять даже, как его зовут. Утром меня забрали, его там оставили.

Пока везли до Харькова, до СИЗО, насчитал я 7 пересадок на машинах. И все эти 7 пересадок били. Сняли с меня обручальное кольцо, даже крест забрали. Сказали, больше не пригодится. Попросил крест оставить. Все забрали.

Одному парню с позывным «Майбах» на лбу букву «В» «азовцы» выжгли. Прямо выжигали на лбу. Его привезли на лагерь, и приехал с проверкой Красный Крест. Но его спрятали, не показали Красному Кресту.

В Киеве я на себе испытал, украинский хирург с медсестрой без обезболивающих режут. По живому мне ногу резали.

Меня держали пять парней, и из полотенца сделали кляп, я чуть кляп не перегрыз от боли. Через день они приходили, каждая перевязка, прочистка ноги, это все повторялось раз в раз без обезболивающего.

Это хуже, наверное, садизма. Я не знаю, как это назвать. И так в Киеве именно в СИЗО занимаются. Там со всеми так. Там все орут, все изнемогают. Там всегда так».

27

Румянцев Илья Сергеевич

«Меня пытал «Азов». Как они говорили, «защитники Мариуполя». Они на правой руке палками сломали два пальца, ключицу сломали, выбили два зуба, повредили ногу. Били палками, ногами. Это было в Луганской области, Серебряническое лесничество.

Говорили всякие гадости против русских, что мы плохая нация. Что Крым всегда был их и будет их. В «Азове» нацисты. Есть люди, которые реально со свастиками, прямо показывали свою свастику. Один показывал нам татуировки, нацистскую свастику, и орел держит свастику, как в Третьем рейхе. И говорил, что ему это нравится, что он любит Адольфа Гитлера. Он читает «Майнкампф» и гордится этим. Татуировки, свастика, Адольф Гитлер, там все по-немецки. Он считает себя украинским арийцем. Как в Третьем рейхе».

28

Денисюк Николай Викторович

«Меня привезли, как я с разговоров понял, в город Купянск, в какой-то подвал. Приезжал каждый день какой-то заместитель командира их бригады.

Ну и там избивали, били током – подсоединяли телефон армейский, был электрошокер, степлер строительный крепко угоняли в колени. В колени еще вгоняли скрепки. И все это делал этот человек.

Он полковник, по-моему. Ничего конкретного из информации он не хотел».

29

Хмелев Николай Сергеевич

«Когда меня привезли в больницу, там украинская медсестра одела перчатки и просто засовывала свой палец указательный в шею, в дырку, и смотрела мне в глаза. Специально мне засовывала.

У меня дырка была в шее где-то с палец. Без обезболивания. Она просто палец засовывала и ковырялась. Ничего не говорила, просто смотрела мне в глаза.

Это в Запорожье было. Потом просто полили водой и забинтовали».

30 Пищенко Денис Игоревич

«В концлагере «Запад-4» хохлы к русским военнопленным относятся не как к человеку, а как к животному. Просто как к животному, на которое нужно орать, плевать, унижать, оскорблять. Такие пинки, такие плевки, ну не делается, это не человеческое отношение, вот и всё. Они всегда во всём правы, а мы, русские, во всем виноваты.

Что мы виноваты, что пришли на их землю. Хотя вот меня взяли около Локни, мы пришли защищать Курск. А оказывается, с их украинцев подачи, это их Курск, это все их. Везде мы плохие. То есть все с ног на голову.

Как приезжает Красный Крест, они такие белые, пушистые, они такие замечательные.

Только Красный Крест уехал, и всё, опять заново, и ещё хуже.

Все раненые, кто с рукой, кто с ногой, кто с одной рукой, без разницы, у кого забинтовано, все равно надо копать ямы. Сегодня мы копали. Завтра, значит, мы будем затапывать, выравнивать. Послезавтра будем заново. Бессмысленная работа. Просто издеваются, постоянное унижение, оскорбление».

31 Смецкой Андрей Юрьевич

«Когда в яме был, очень сильно били. Одного человека выдернули, он не вернулся, хохлы его убили, вывезли в мешке.

Дальше в Харьковском СИЗО разные пытки были. Ногу мне прострелили два раза при пытках с пистолета. Били электрошокерами.

Даже в глаза распыляли газ.

Дубинками, трубами пластиковыми и металлическими били.

Заходили, у них не было ни шевронов, здоровые дядьки накачанные, просто избивали всех.

Человека на моих глазах, Юрия, убили до смерти, забили, просто ногами забили. Его били четыре человека. В Харьковском СИЗО забили до смерти.

Это происходило на протяжении месяца и недели – пытали, избивали. То каждый день, то через день, стабильно.

Когда мне ногу прострелили, пуля на вылет вышла, а вторую пулю они достали уже прямо на живую, без обезболивания. Вообще просто на живую взяли и проводили операцию без обезболивания».

32 Городецкий Виктор Александрович

«Били мне ногу, а она насквозь была прострелена. Они просто запинывали, она у меня стала баклажановая. И вот этот мультикам, он даже не налазил на неё. Оно так разбухло.

Это они делали специально. Ребра мне сломали. С этой стороны. Справа чуть выше. Тут тоже был перелом. И позвоночник отбитый. Это избиение палками. Ногами. Тоже пластиковые трубы применяли. Потом металлические.

Хохлы грозились на бутылку посадить. Они эту забаву свою называли бутылочкой. Играть в бутылочку – отрезание половых органов, кастрация. И все это они снимали на телефон. Двое держали меня. Один снимал. Угрожали отправить родственникам это все. Сказали, отправят матери, жене.

Один вытащил нож, разрезал штаны, спустил. Это на видео они все снимали. Я потом уже понял, что это психологическое давление было. Они все ненормальные, неадекватные.

У нас в украинском лагере дед один умер. Ему просто вовремя они не оказали медицинскую помощь».

33 Давыдов Андрей Александрович

«Когда нас взяли в плен, привезли в какое-то здание, допрашивали по одному, шомпол прямо в рану пихали, избивали ногами, кулаками.

Спрашивали, хочешь остаться без ноги? Типа, я дам команду, у тебя, говорят, не будут ослаблять жгут, и через пару суток тебе ногу врачи отрежут. И передавали нас два раза, получается. Сначала один допрос был, потом второй. На втором допросе там даже только завели, сразу начали бить.

Один, кто избивал, просто спросил, вы хотели видеть Бандеру? Типа, вот он я. Я, говорит, здесь просто по работе. То, что здесь творится, в этой части Украины, мне глубоко наплевать. До меня, говорит, я живу на Западной Украине, до меня, говорит, ракеты не долетают.

В лагере один наш рассказывал, как двух российских военнопленных хохлы убили, забили палками. Он говорит, меня только привезли в подвал, показали на место, там просто на бетоне постелен картон. Он был весь в крови. Когда хохлы ушли, ему ребята военнопленные сказали, что буквально сегодня забили человека палками, он умер. И сказали, что следующая очередь твоя. Его на следующий день вывезли, он видел два трупа наших солдат».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ